

Анна Бузова

Кретче виски
СЛАЩЕ КОЛЫ

Алика Бауэр

Крепче виски. Слаще колы.

<https://litres.ru/74238362>

Аннотация

Я - автор эротических романов. И всё было хорошо, пока несколько провокационных строчек не попались на глаза моему преподавателю, который предложил помощь взамен за своё молчание. Только вот он был не единственный, кто узнал мой секрет.

#мжм #откровенно_и_эмоционально #разница_в_возрасте
#неунывающая_героиня #любовь_и_страсть #эксперименты
#от_ненависти_до_любви

Дорогие читатели, буду благодарна вам за обратную связь в комментариях. Не забывайте подписываться, чтобы не пропустить обновление и нажимать звездочку.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	52
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

«Стас ещё сильнее прижал её к стене, навалившись на неё девушку так, что между их телами не осталось свободно-го места. Легкая усмешка коснулась тонких губ парня, тем самым показывая и так очевидную вещь. Он – повелевает этой ситуацией король этой ситуации.

Его пальцы медленно стали поглаживать её ребра, когда она попыталась вдохнуть, мешая ей этим. Словно насме-хаясь. Он всегда это делал. Это доставляло ему удоволь-ствие. Тело приятно задрожало, когда его рука скользнула ниже, пробираясь под юбку и пальцы остановились у кром-ки не пышной юбки. Всего пару сантиметров вверх, и он по-чти сорвался её дыхание участилось, а его улыбка стала еще шире.

Он прижался к её шее губами, прокладывая дорожку неторопливых поцелуев к глубокому декольте, что весь вечер сводило парня с ума. Губы были мягкими удивительно теп-лыми, и девушка издала негромкий стон неосознанно при-крыла глаза.»

Я осмотрела вымученный текст и поняла, что это ката-строфа. Не конец света, но первые звоночки катаклизма уже были на лицо. Еще пару недель назад набросать такие строч-ки с меньшим количеством помарок, с более ярким и кра-сочным описаний деталей и событий было для меня дело пя-

ти минут. Сейчас же я корпела над несчастными абзацами минут 40 и все равно до конца не была довольна результатом.

Суховато. Однообразно. Заезжено.

Я готова была взвыть вместе с главной героиней. Она от того, что её герой-любовник уже несколько глав пытается пробраться под юбку. А я от того, что у меня, кажется, наступил творческий кризис.

Это финиш, господа.

Что побудило меня к писательству? Скорее всего, это бурная фантазия с историями в голове, которые постоянно требовали развития сюжета, достаточно свободного времени и потребность в деньгах. Ведь благодаря двадцать первому веку писателю необязательно стучаться в двери крупных издательств, чтобы заработать на кусок хлеба. Достаточно иметь обычный ноутбук и немного терпения, чтобы изучить все правила распространения электронной книги.

Опубликовала первую главу скорее от скуки с долей интереса. Над псевдонимом «Леди Си» не особо задумывалась и вообще не возлагала каких-либо надежд на успех, чтобы потом было не так обидно.

Какого было мое удивление, когда уже на следующее утро я обнаружила на своем авторском аккаунте больше тысячи просмотров и не один десяток подписчиков.

Как говорить: искра, буря, безумие.

Мое хобби, мое творчество нашло отклик в чужих сердцах, и я получала каждый день обратную связь в виде хва-

лебных комментариев. Ну и бонусом денежное вознаграждение, которое стало очень кстати, когда я решила поступать на филологический факультет. Как бы я не блистала своими знаниями и отличными оценками, но бюджетных мест нет, а учеба стоит немалых денег, которые родители не имеют возможности мне давать.

Все, что как по маслу: я выкладывала продолжение с частой периодичностью, получала деньги за свой труд и оплачивала ими учебу. И совершенно не чувствовала дискомфорт при написании эротических романов с очень откровенными сценами. Мой небольшой сексуальный опыт, а именно первый раз по-быстрому под одеялом, пока не пришли родители, не мешал моей извращенной фантазии описывать сцены секса.

До этого момента.

Конечно, настоящий автор никогда не будет доволен своей работой до конца. Но самокритика была здесь не причем. И мои опасения подтверждала статистика сайта, на котором четко было видно, что новые главы уже не так «заходят» читателям.

Я выдохлась. Исчерпала свой заряд сил и энергии. И, похоже, муза от меня сбежала тоже. Парня у меня нет, а из ежедневного окружения бесконечные конспекты да ноутбук по вечерам. Где взяться источнику вдохновения?

Хотя один все же имелся.

Мне стоило только поднять взгляд, чтобы в поле зрения

попал объект моих (и не только) бесстыжих фантазий и даже прототип нескольких романов.

Наш преподаватель по современной литературе, как обычно, во время экзамена по своему предмету следил с особой внимательностью за всей аудиторией. Не то, чтобы сочинение на заданную им тему можно было списать с телефона, которые мы сдали еще до начала, но, возможно, ему просто доставляло удовольствие смотреть, как шестеренки в наших головах начинают свою активную работу, и мы пытаемся связать хоть пару предложений во что-то похожее на сочинение. К слову, мое было написано за полчаса, и все остальное время я могла пытаться выдавить из себя еще хоть пару строчек для своего романа.

Прозвучал голос самого сексуального мужчины нашего университета, оповещающий нас о том, что до конца лекции оставалось пятнадцать минут.

Ох, и все же он дьявольски красив.

Высокие, статные, широкоплечие брюнеты с голубыми глазами всегда были в моде и являлись объектом воздыхания девушек в любом столетии. Только от одного вида его кипенно-белой рубашки на подтянутом теле можно истечь слюной, а особо впечатлительным испытать эстетический оргазм. Этот мужчина вообще понимал, какое влияние он оказывает на студенток своими очками в тонкой золотой оправе? Но готова поклясться, что носит он их явно не для зренья.

Я помню, как еще в начале года, после первого знакомства с нашей группой, что состояло в основном из его монолога об учебных планах на год, уже тем же вечером, за преступно короткое время родилось несколько глав, полных грязных подробностей, читая которые мне самой становилось отчасти стыдно за написанное.

Многие первокурсницы и даже молодые преподавательницы падали ниц перед его харизмой. Но, несмотря на огромное количество томных улыбок в его сторону, каблучков и коротких платьев, и других женских атрибутов обольщения, он оставался все также учтив, вежлив и холоден.

Я пробежалась взглядом еще раз по своему сочинению, уместившееся на двойном листке, внося последние поправки.

Две минуты до окончания пары. В голову приходит мысль о развитии сюжета в моем романе, которую пытаюсь быстро запечатлеть на бумаге, воодушевленная внезапным приливом вдохновения.

Строчка за строчкой выходят из-под шариковой ручки без какого-либо усилия и пыхтения над текстом. Пытаюсь сокращать слова, экономя место и время, стараясь не упустить ту самую нить, за которой так бегло скользит рука по листку.

«Её стоны... Они дурманили его голову, наполняя чем-то напоминающее вату: сладкую и воздушную. Он был готов ласкать тело Аделины не один час, лишь бы слышать этот звук как можно дольше, как можно чаще и громче...»

— Сучка... — сквозь зубы прошептал он, еле сдерживая свое возбуждение.»

Хм... А не слишком ли грубо? Нет, оставлю так. Девочки любят дерзких мальчиков. Хихикнув от своих же мыслей, продолжила писать.

— Василиса?

От неожиданно прозвучавшего голоса совсем рядом я слегка подпрыгнула на месте, обронив ручку на пол. Я машинально нырнула за ней под стол и увидела перед собой черные ботинки. Натертые до блеска и дрожи по позвоночнику знакомые черные ботинки.

— Василиса, — вежливо кашлянув, повторил преподаватель, и я тут же вынырнула из-под стола, попутно ударяясь затылком о деревянную поверхность.

— Простите, я вносила последние поправки.

— Думаю, в этом не было нужны и ваша работа и так прекрасна. В прочем, как и всегда, — уголок его рта еле заметно приподнялся, напоминая подобие улыбки. — И все же время истекло и нужно сдать работу. Я дал вам и так дополнительные пару минут на ваши... поправки.

Я оглядела уже пустую аудиторию, и щеки залились румянцем от смущения.

— Ох, конечно, Павел Александрович, — затараторила я и протянула двойной листок с уже давно готовым сочинением.

Разве могут быть глаза человека настолько голубого, свет-

лого оттенка? Но, несмотря на их чистоту, в них все же на мгновение промелькнуло нечто темное, опасное, что обычно будоражит девичье сознание и мою фантазию сейчас.

— Не смею вас больше задерживать, — сказал он вежливо и осторожно потянул мою работу на себя, которую я все еще продолжала держать в руке.

Поймав себя на этом, я быстро отпустила проклятый листок, собрала вещи со стола и пулей вылетела из кабинета.

И вот долгожданная последняя пара на сегодня – лекция по культурологии подходила к концу, но все это время не давало какое-то странное, надоедливое, гложущее чувство внутри, что что-то не так. Но так и не смогла понять в чем дело помучавшись полтора часа. И уже даже сумев немного успокоить себя, что это просто мои внутренние тараканы решили повеселиться, стала старательно укладывать тетради с ручкой в сумку. Только вот на глаза почему-то не попадался альбомный лист, на котором я писала свой роман.

Так и замерла с полуподнятыми руками, пытаясь судорожно вспомнить тот момент, когда я его прятала в сумку. Но ... его не было. Черт!

Я неслась по коридорам университета так быстро, что все окружающее превращалось в размытые цветные пятна. Заглянув в аудиторию, на мое счастье, за преподавательским столом Павла Александровича не оказалось, осталось надеяться, что его не будет в кабинете, что раньше был бывшей лаборантской и находился буквально за стенкой.

Проскользнув в следующую дверь, во мне поселилась надежда, что еще никто не успел прочитать то, что предназначалось совсем не для его глаз. Я дернулась к столу, отыскивала стопку листков с фамилиями нашей группы и дрожащими пальцами перебирала работы, ища свою.

— Земцова? — донесся до меня удивленный голос.

Кажется, на несколько секунд сердце с перепугу пропустило несколько ударов, отказываясь работать в таких стрессовых ситуациях. Не оборачиваясь, я выпрямилась, все еще надеясь придумать оправдание. Мозг подкинул только идею о лунатизме и, раздосадовано тяжело выдохнув, я медленно повернулась.

Дыхание резко сперло, когда я увидела высокую фигуру преподавателя, застывшего в дверном проеме. Сложив руки на груди и чуть склонив голову вправо, он принялся внимательно изучать меня. Но чего я никак не ожидала, так увидеть сейчас его широкую улыбку.

— Или мне лучше называть вас Леди Си?

У меня вышла новиочка!

в тексте есть: обаятельный грек, острая на язык героиня, фиктивный брак

https://litnet.com/shrt/_mX1

— Ты сейчас серьезно предлагаешь выйти за тебя?
 —

Для тебя это интересный опыт. Для меня — восстановление репутации.
— Это абсурд. Между нами ноль процентов химии.
— Так давай притворимся.

Когда твой лучший друг, с которым вы не виделись почти десять лет, делает тебе предложение, первая мысль: это розыгрыш.
Денис Астериадис — блестящий акушер-гинеколог, привыкший быть лучшим. Его имя всегда было синонимом профессионализма и доверия. Пока один грязный скандал не разрушил все.
Теперь его репутация висит на волоске. А единственный способ ее спасти — фиктивный брак.
Но чем чаще нам приходится притворяться влюбленными, тем труднее понять, где заканчивается игра

Глава 2

Законы джунглей гласят, что от хищника ни в коем случае нельзя отводить взгляд. Лучше вообще не моргать и не дышать, если получится, конечно. Но самый верный способ остаться в живых – нападение. В моем случае отрицание. Поэтому сейчас, расправив плечи и гордо вскинув подбородок вверх, я твердо и уверенно заявила:

— Я не понимаю, о чем вы.

— Давай пропустим эту бессмысленную игру, — сказал Павел Александрович абсолютно будничным тоном, заправляя руки в карманы брюк. — И прекращай косить под дуручку. Тебе не идет, — он снова прошелся по мне оценивающим взглядом, от которого хотелось сжаться до размеров атома. — Это что, бабушкино платье?

И почему он вдруг решил перейти на «ты»?

— Н-нет. Просто люблю винтаж, — процедила сквозь зубы.

— А также писать грязные рассказы, — он, наконец, оторвался от дверного косяка и спокойно направился к своему столу, обходя меня стороной.

— Вообще-то это роман!

— До романа еще нужно дорасти, — он выдвинул верхний ящик и достал из него уже знакомый нам обоим альбомный лист, кладя тот на стол.

Этот мужчина словно намеренно растягивал каждое движение и взгляд, упиваясь моим безвыходным положением. Наверное, такие люди, как он, любят смаковать власть, а уж власть над бедной и несчастной студенткой – и подавно!

В голове мимолетным кадром пролетела картина, как уже на следующий день в меня будут тыкать пальцем все кому не лень, насмехаясь, крича в спину гадкие шуточки под руководством одного болвана из группы. Готова поспорить, что он будет встречать меня с транспарантом «Грязная девственница» или «В тихом омуте черти пошлые» каждое утро. А потом меня просто выкинут из универа за неподобающее поведение.

Я пробежалась по своему черновику глазами и увидела на нем замечания, сделанные яркой красной пастой. Да это просто неслыханно! Он просто насмехается надо мной!

— Вы проверили его?

В горле пересохло, и сейчас просто хотелось провалиться сквозь землю.

— Это моя работа, — не торопясь, он сел в свое кресло и посмотрел на меня снизу-вверх, блеснув своими очками.

— Это только черновик, — зачем-то начала оправдываться я. — Как вы вообще узнали о моем псевдониме?

— Я похож на глупого человека?

— Нет, но... — я пожала плечами.

— Взглянув на твой рассказ, в котором присутствовали имена и даже какое-то развитие сюжета, я предположил, что

это вырванный отрывок или продолжение. Сейчас, к сожалению, или к радости, все и всё выкладывают в интернет. Вбив в поисковую часть пару написанных тобою строчек, мне выдали несколько романов с похожими именами действующих лиц. Ну, а твою стилистику написания я узнаю из тысячи работ.

На языке крутились только одни непристойные ругательства. Шерлок Холмс сейчас бы перевернулся в гробу и сделал сальто, если, конечно, не был бы вымышленным персонажем.

— Я могу забрать работу?

— Нет, — он расслабленно откинулся на спинку кресла, вызывая каждым своим действием у меня нервоз.

— Вы пойдете с нею в деканат? — до боли сжимала кулаки, боясь услышать свой приговор.

— Василиса, я задам тебе несколько вопросов, а потом уже решу, что с тобою делать, — он понизил голос, и в его глазах пронеслась чертовщинка с долей коварства.

Похоже, моё унижение так быстро не закончится. Но дело было даже не в смаковании страха, которым сейчас разило от меня... На его лице был некий интерес, понятный только ему самому.

— Почему ты начала писать?

Что же... достаточно безобидный вопрос. Я почувствовала, как напряжённые плечи стали плавно опускаться вниз, словно с них сняли неподъемную ношу под названием опа-

сение.

— Потому что мне это всегда нравилось, и мне захотелось увидеть истории, придуманные мной на листке бумаге.

— Почему именно эротический жанр? — он не сводил с меня напряженного взгляда.

— Потому что сейчас это самый читаемый и продаваемый жанр в соц.сетях. А деньги мне нужны, чтобы оплачивать учебу, — нехотя пояснила я.

— Итак, ты Леди Си.

Я мрачно кивнула, не понимая куда он клонит.

— Я просмотрел несколько твоих работ. Признаюсь, «Горький шоколад» достаточно неплох. Но последняя, — он отрицательно качал головой, цокая языком, — просто ужасна.

От возмущения я открывала и закрывала рот, как рыба, не в силах подобрать нужные слова, и в итоге просто закричала:

— Что?! Да как вы можете?

Я прикусила губу, останавливая себя. Нет, сейчас я совершенно не в том положении, чтобы истереть и качать свои права.

— Попробуй возразить и сказать, что твой последний роман пользуется такой же популярностью на равне с первым и делает хорошие продажи.

— У меня действительно сейчас некие трудности с вдохновением, — чуть замявши, пробурчала я.

— О чем я и говорю. И эти чудовищные размеры, — он

развел ладони в стороны перед собой, наглядно показывая, что имел в виду. — Ты вводишь заблуждение невинные юные умы.

— Прошу, перестаньте, — взмолилась я, прикрывая горящее лицо от стыда руками. — Может, просто переместить роман из эротического жанра в фантастический, и вопрос о размерах отпадет само собой?

Павел Александрович глухо рассмеялся, но облегчения я от этого не почувствовала. Отняв руки от лица, я увидела, что преподаватель уже открыто забавлялся данной ситуацией. Просто прекрасно.

— Ты встречаешься с кем-то?

— А какое это имеет значение? — я вскинула брови и усмехнулась, сложив руки на груди.

— Самое прямое. Как я уже говорил, твоя последняя книга ужасна. Она достаточно сухая, неинтересная. Сцены и диалоги заезжены. Все это уже было. Тебе нужно...

— Вдохновение, — я обреченно вздохнула. — Я знаю.

— Сцены эротического содержания писать не просто. Одной фантазии может быть не достаточно, — говорил он, растягивая слова. — Особенно если её ничем не подпитывать. Поэтому я спрошу еще раз. Ты встречаешься с кем-нибудь или может, у тебя есть половой партнер?

— Нет, у меня никого нет.

Пока я краснела и сгорала от стыда, мой преподаватель встал с кресла и двинулся в мою сторону.

— На мой взгляд, — Павел Александрович подошёл совсем близко, пользуясь моей несобранностью и задумчивостью в данный момент, и наклонил голову, — тебе не хватает немного практики.

— Практики? — повторила я, подняв глаза.

Мужской взгляд был сосредоточен, словно он объяснял чрезвычайно важные вещи, к которым имел непосредственное отношение.

— Думаю, что мог бы помочь. Побывать твоим вдохновителем.

Ни тени насмешки, ни один мускул на его идеальном лице, с такими, черт его дери, острыми скулами, не дрогнул, выдавая несерьезность своих слов.

Я затаила дыхание.

— И вы предлагаете...

— Ничего такого, о чем твой почти девственный мозг уже успел подумать. Есть столько вещей, о которых ты еще не упоминала в своих романах, и я могу тебе рассказать об этом. Научить, — произнес он медленно и улыбнулся зловещей и в то же время обольстительной улыбкой.

Несколько долгих секунд или минут я стояла в оцепенении. А мужчина, нависший надо мной, словно коршун, кажется, и не думал меня торопить, терпеливо ожидая моего ответа.

— Зачем вам это?

— Я преподаю современную литературу, и просто непоз-

волительно с моей стороны допустить, чтобы один из лучших студентов потока писал и выкладывал в сеть...

— Поняла! — слишком громко воскликнула я, не в силах больше слушать унижения моего кропотливого труда, и чуть тише добавила, — не надо оскорблять мои работы.

— Даже и не думал, — он пожал плечами и отступил от меня на шаг, опираясь бедрами об стол. — Романы не плохие, но им нужна доработка, только и всего.

— Если я соглашусь, то могу забрать свои наброски?

— Нет, — с еле заметной ухмылкой сказал он, — они останутся у меня. Но не переживай, о твоём прибыльном хобби никто не узнает. По рукам?

Я смотрела на его протянутую руку и пыталась узреть настоящую причину, почему этот человек будет жертвовать для меня своим временем, рассказывая мне о прелестях половой жизни, и курировать в дальнейшем мой роман. Не найдя подвоха и в целом причин отказываться от такого предложения, я с опаской, но все же вложила свою ладонь в его, слегка пожимая.

Заворожённая, я наблюдала, как мужчина чуть перехватывает запястье и подносит тыльную сторону моей ладони к своему лицу, не сводя с меня голубых глаз. И тихо охнула. Когда горячие и сухие губы дотронулись до моей кожи. Это вывело меня окончательно из равновесия, что я почувствовала, как колени задрожали и подкосились.

— Как будет готов черновик, приноси его в мой кабинет.

Я буду ждать, — он словно промурлыкал последние слова, и от этого по спине пробежала дрожь.

Я выдергиваю свою руку и бросаюсь прочь, не оглядываясь.

Ох, на что я только что подписалась?

Глава 3

Я решила писать новый роман, на время заморозив предыдущий для чистоты эксперимента. Начинать первые строчки всегда волнительно, ведь именно от них ты в дальнейшем будешь отталкиваться, чтобы продолжить ту или иную мысль. Но мне было вдвойне волнительно и даже боязно, ведь я знала, что глава попадёт под анализ не только критиков из интернета, а в первую очередь моего преподавателя.

Целую неделю я рожала своё детище, отчасти в пытках и агонии, стараясь угодить одному претенциозному мужчине и доказать, что мой талант всё же имеет место быть.

Я собиралась зайти в его кабинет с высоко поднятой головой, чуть задрав курносый нос, и положить перед ним на стол лист с новой главой, посмотрев при этом на него с долей высокомерия.

Но план провалился ещё на стадии, когда я только подходила к его аудитории. До его кабинета ещё с десятков метров, а у меня уже вспотели ладошки и затряслись руки.
Стук костяшками пальцев по двери больше напоминал азбуку Морзе, выбивающие "Помогите".

О Боже, да, да, я подписалась на идиотскую авантюру и теперь вынуждена чувствовать на своих щеках настоящий пожар каждый раз, когда наши взгляды с Павлом Александро-

вичем пересекались, отчего-то чаще обычного, в коридорах университета.

Итак... описать секс – задача не из простых, особенно для таких, как я – по пояс деревянных и не имеющих разнообразного и обширного опыта для этого.

С каждым разом удивить читателя становится все труднее. Приходится подключать все свое мастерство к детальным описаниям анатомических особенностей. С воображением проблем у меня нет, а вот, чтобы назвать вещи своими именами... Язык просто не поворачивался. Поэтому я старалась заменять пикантные названия на более поэтичные.

Например, женская грудь – холмики, полушария, спелые дыньки, девочки, бюст, холмы возбуждения. У мужчин еще хлеще. Кроме очевидного фаллоса и нефритового стержня, сюда можно было добавить: младший приятель, длина, каменное возбуждение, дубинка, гигант, мужское естество.

Глаза преподавателя бегают по строчкам и как обычно, на его лице абсолютно бесстрастное выражение, которое неимоверно начинает раздражать. Моя нижняя губа уже искусана до крови, и я не понимала, насколько сильно нервничаю, пока не ощутила на языке солоновато-металлический вкус.

Но тут из его груди вырывается короткий смешок, а уголок рта приподнимается в нечто напоминающее улыбку.

И это при прочтении сцены эротического содержания!
Это провал, милая. Полнейший.

— Можете не продолжать, — вздохнула я, с прискорбием вспоминая о зря потраченном времени. — И так понятно, что не справилась.

Павел Александрович отложил в сторону лист и, сняв очки, посмотрел на меня, откидываясь на свое кожаное кресло.

— Если ты планировала написать юмористический роман с возрастным цензом 18+, то тебе удалось.

— Хорошо. Я перепишу, — тянусь за своей очередной неудавшейся рукописью и уже почти коснулась пальцами листа бумаги, как на него резко опускается ладонь преподавателя, мешая.

— Как ты думаешь, в чем твоя главная ошибка? — спросил он, все также не поднимая руки, не позволяя мне взять свою работу.

Мне потребовалось пару секунд, чтобы собраться с мыслями и произнести, отводя взгляд:

— Видимо, в отсутствии опыта в этом самом плане и возможно, не знание всех деталей во время самого процесса.

Слова давались с трудом, заставляя уже в сотый раз за минут десять, что я нахожусь в его кабинете, пожалеть обо всем и проклясть тот момент, когда отвлеклась и сдала свой черновик романа вместе с сочинением.

— Василиса, — многозначительно протянул Павел Александрович, — ты же будущий филолог, а изъясняешься, как студент ПТУ.

Я молчу, признавая его правоту. Прелюдии мне давались

обычно с легкостью. Ведь можно очень красочно описать, как руки подрагивали, пока она, смущенная до предела, расправлялась с пуговицами на черной рубашке. Как его прокаченные мышцы живота напрягались, стоило ей задеть их подушечками пальцев...

Но вот описать сам секс со всеми названиями анатомических частей тела, да и просто произнести это слово из четырех несложных букв в слух — было проблемой.

Преподаватель поднялся с кресла, вальяжно обошел стол и встал в свою излюбленную позу — опираясь бедрами об стол. На первый взгляд ничего необычного: простые и уверенные движения и действия, которые мы совершаем каждый день в повседневной жизни. Только было одно «но». Он сократил между нами расстояние на столько, что я теперь ощущала запах его парфюма.

В самых первых нотах я услышала кориандр и сочный освежающий грейпфрут. Я втянула побольше носом, раскрывая для себя еще смесь кедра с ... О Боги, мне нужно еще... Но поймала себя на том, что уже слишком долго позволяю себе насладиться мужским запахом, немного переходя за рамки приличия. Черт бы их...

— Тебе нужно научиться называть вещи своими именами, — говорит он, чуть склонившись ко мне, но я почти не слушаю, радуясь тому, что узнала еще нотки апельсина в его аромате, что так гипнотически на меня действуют. — И именно этим мы сегодня и займемся.

Глава 4

Он снова это делал – смотрел на меня сдержанно, но с интересом, читая эмоции на моем лице, что сейчас менялись со скоростью света.

— Василиса, так не пойдет, — он закатил глаза вверх. — Я буквально слышу, как ты громко думаешь. Это не экзамен, расслабься.

— Вы собираетесь научить меня ругаться...

— Называть вещи своими именами, — поправил он и, оторвав бедра от стола, сделал крохотный, но сейчас казавшийся такой большой шаг ко мне.

Эта близость... волновала.

Было бессмысленно отрицать, что мне нравилось слышать рядом с собой запах его парфюма и ощущать тепло крепкого тела. Нравилось, как он превосходит меня в росте на целую голову. Это позволяет почувствовать себя женственной и даже чуточку уязвимой в мужском окружении, что обычно я позволяла себе крайне редко.

С глотком воздуха, застрявшем в горле, я наблюдала, как его рука поднялась, и пальцы еле ощутимо взяли мой подбородок, чуть приподнимая его.

— Кажется, я знаю, в чем дело, — сказал он серьезно.

Не отнимая руки от моего лица, пальцы скользнули по щеке, поддели выбившуюся прядь волос и одним движением за-

правили её за ухо. Мелкие покалывания образовали дорожку из его прикосновений, что были приятно новыми для меня. Но внезапно я ощутила легкость на затылке и тяжесть у корней, когда мои русые волосы упали на плечи.

— Должно быть, эта причёска вызывает страшную мигрень. И строгий учительский пучок тебе не идет. Твоему образу подходит что-то легкое, воздушное, как ты сама.

Я недоверчиво покосилась на свою заколку в его руках, но действительно почувствовала короткий прилив блаженства. Но виновны ли были в этом распущенные волосы? И мне почти удалось собраться с мыслями, пока мужской голос не зазвучал достаточно тихо и до ужаса интимно.

— *Она была невыносимо прекрасна в своей неопытности, и порочность её мыслей порой сводила его с ума...* — хищный блеск, что с недавних пор стал вызывать у моего сердца тахикардию, промелькнул в глазах.

— Она?

Павел Александрович кивнул.

— Предлагаю примерить на себя роли твоих персонажей. Так тебе будет проще понять и прочувствовать свою героиню, чтобы потом доходчиво описать все в книге. Сейчас есть только *он* и *она*.

— Х-хорошо. Это можно попробовать, — произнесла я, чуть запинаясь от неловкости нашей близости.

— Хорошо, — повторил мужчина за мной с ухмылкой, и этот момент буквально кричал, что на самом деле ниче-

го хорошего не предвещается. — *Он знал, что за целомудренными и огромными свитерами, что были неотъемлемой частью её гардероба, прятались хрупкие и весьма привлекательные изгибы женского тела.*

Томный голос замолчал, а я, наконец, смогла перевести дыхание. То, как он говорил. То, как он смотрел на меня в этот момент, было самым интимным, что было в моей жизни по сей день.

— *Но сегодня, по воле случая, на ней была блузка, от которой он собирался избавиться в кратчайшие сроки,* — Павел Александрович наклонился к моему уху и спросил шепотом, — *Она... позволит ему эту маленькую прихоть?*

В легкие не поступал кислород уже давно, хотя они так были наполнены только ароматом его парфюма.

— Да, — сказала я на выдохе и добавила на вдохе, — *она* позволит.

Волосками я снова почувствовала его ухмылку. Он вновь чуть отпрянул от меня и, не переставая смотреть в мои глаза, потянулся к лентам банта на воротнике блузки.

— *Он с удовольствием подмечает родинки на её плечах, пока стягивает с них блузку. Но, конечно же, сильнее всего к себе привлекает внимание её...* — преподаватель сделал многозначительную паузу и, игриво наклонив голову в бок, спросил, — Как ты думаешь, что это?

Чуть прочистив горло, я пробормотала:

— Скорее всего, это грудь.

— Умница, — он одобряюще улыбнулся, а мне захотелось еще раз угодить ему, чтобы снова увидеть эту улыбку. — *Он проводит пальцем между грудей, недовольно озираясь на ткань её бюстгальтера, что закрывает вид на...* Продолжи, Василиса.

— На её горошины...

— Нет никаких горошин. Есть соски. Тугие и аппетитные. Вспомни о том, чему мы сейчас пытаемся научиться.

Если бы это было так просто... И словно специально отвлекая, путая мысли, теплые пальцы скользнули по обнажённому участку шеи, очерчивая тонкие линии над кромкой воротника, а затем медленно поползли вниз по ткани.

— И так... *Он заводит руку ей за спину. Оба затаили дыхание, и в тиши комнаты отчетливо слышен звук расстёгнутой застёжки бюстгальтера,* — его пальцы начали играть с лентами банта, находясь непозволительно близко от моей собственной груди. — *Когда последний и мешающим им атрибут одежды летит на пол, он видит её тяжело вздымающуюся...*

— Грудь, — резко заканчиваю я.

— Именно, грудь, — он поднимает одну бровь и говорит то, от чего мне становится неловко до предела, — ни холмики, ни персики, ни, черт их побери, колокола. Серьезно? Колокола? Я сначала даже не понял, о чем речь, когда читал это.

Я стремительно краснела и не находила слова в свое

оправдание, чувствував себя нелепо и странно. Но вместе с этим внутри зарождалось нечто сильное и незнакомое. Нечто, питающее фантазию. И в первые за долгое время ощутив резкий прилив волнительных и будоражащих эмоций, я не собиралась прекращать обучение.

— Продолжим, — вкрадчиво произнес преподаватель, снова примеряя на себя роль героя-любownika. — *Он лихорадочно пытается решить, какую из грудей начать ласкать первой.*

Пальцы задели край белья под блузкой, и я опасливо затаила дыхание.

— Что *она* чувствует? — спросил Павел Александрович.

— Неловкость, — сдавленно прошептала я и добавила, — и, скорее всего, ей холодно.

Павел Александрович сдержал смешок от моего комментария, на секунду опустив взгляд на бант, которому сегодня отдавалось слишком много внимания.

— *Он обхватывает её грудь ладонями, сжимая.* И для справки, на грудь не любят долго. Её мнут, целуют, облизывают, кусают, но никак не просто смотрят. Поняла?

Я кивнула, пытаюсь устоять на месте от того, как с последним словом он намотал ленты на кулак и потянул чуть на себя. Дрожу от всего, что происходит, от всего, что слышу. Но не спорю. Не сопротивляюсь.

— *Он берет её руку и кладет ладонь на свою ширинку, и девушка чувствует...*

— Его возбуждение, — уверенно заканчиваю я, но вместо одобрительной улыбки получаю хмуро сведённые брови.

— Его член. Не длину, не мужское естество или нефритовый стержень.

Он в молчании сощуливает глаза, и я понимаю, чего он от меня ждет. Только произнесли *это*, у меня не хватает смелости, да еще и в лицо преподавателю, который от моей заминки наклонился еще ближе, и я почувствовала его горячее дыхание, отдающее чем-то сладким, напоминающее жвачку со вкусом банана.

— Скажи это, — не дожидаясь моего ответа, продолжает. — Смелее, ведь *он чувствует, как она горит в его руках. Буквально плавится. Между её ног ощущается приятная тяжесть, которая все же начинает доставлять дискомфорт. И она жаждет, чтобы её заполнили...*

— Членом.

— Каким?

— Что? Еще прилагательное называть?

— А ты разве не претендуешь на звание писателя?

Зажмурив глаза, на одном дыхании быстро произношу:

— Крепкий. Твердый. Горячий.

— Молодец, — шепчет он мне на ухо, ощутимо задевая губами мочку.

Когда он сделал шаг назад и лишил меня его гипнотической ауры, и заодно забирая с собой запах своего парфюма, я словно вынырнула из толщи воды, жадно глотая воздух.

— На сегодня все, — совершенно спокойным и нормальным голосом сказал он.

Будто еще несколько минут назад не было этого томного шепота и невинных, но провокационных прикосновений.

— Что вы себе позволяете? Вам не кажется, что вы перешли границы?

— Границы устанавливаешь здесь лишь ты.

— А как же субординация между учителем и учеником?

Он долго на меня смотрел. Больше не было в его взгляде игривой нотки. Режущая сталь, от которой становилось не по себе.

— Я буду ждать Вас через неделю. Если, конечно, вы все еще будите нуждаться в моей помощи, — произнес он и демонстративно прошел мимо меня к шкафу, повернувшись ко мне спиной, всем видом показывая, что на этом действительно «Всё».

Сколько бы возмущения не бурлило во мне весь остаток дня, только вот вечером несколько строчек сами пришли ко мне на ум.

«Он уткнулся носом ей в шею, тяжело дыша, насытившись женскими стонами на своем языке. Обхватив рукой основание члена и приставив головку к истекающим половым губам, он дождался в её взгляде согласия...».

Он знал, что я соглашусь. Знал, что я приду к нему за новой дозой вдохновения. Ведь попробовав один раз что-то

новое, даже запретное, мозг и тело с утроенной силой начинают просить о добавке.

Глава была написана на одном дыхании за вечер, и в порыве я тут же опубликовала её на своей странице. Она имела успех, а я - чувство облегчения, что как автор не была потеряна для этого грешного мира.

Наверное, Павлу Александровичу достаточно было лишь моего счастливого взгляда на следующий день, чтобы понять, что наше обучение не закончено. Его методы...интересны. Необычны. Волнующие. И непредсказуемы. И даже не знаю, что именно из этого списка мне нравилось больше. Наверное, он сам целиком.

Никогда не думала, что мне будут симпатичны мужчины «постарше». Но ничего зазорно в том, что он привлекал к себе внимание харизмой, умом и даже неким холоднокровием к окружающему, я не видела. Да и разница в десять лет не так уже велика. Многие девушки моего возраста имели парней в разы старше их самих. Но стоп-кран в голове все же срабатывал, когда вспомнила, что этот обаятельный мужчина - мой преподаватель.

Я тряхнула головой, выбрасывая из неё внезапно пришедшую, просто непостижимую, сумасшедшую и смехотворную мысль о том, что между нами могли бы быть романтические отношения. Ведь он занялся моим обучением исключительно из профессиональных побуждений.

Только кого я пытаюсь обмануть? Да и розовые очки я не

приобретала...

Какой еще молодой, красивый... сексуальный преподаватель взялся бы обучать нерадивого студента уму и опыту в такой щекотливой теме? Только принять, что этот мужчина делает это из-за интереса ко мне, было сложно. Даже невозможно. Не знаю, во что все это может вылиться, но своего шанса набраться опыта в сексуальном плане я не собиралась упускать.

Во время лекции по современной литературе на мою парту незаметно для посторонних глаз приземляется небольшой клочок бумаги.

«Сегодня в 9 вечера у входа в библиотеку».

В ушах только стук собственного сердца, а в голове тысячи вопросов.

Но, подобно заядлому наркоману, я сделаю все, что скажет мой личный дилер вдохновения.

К семи часам вечера коридоры университета пустели, лишь в парочке кабинетов можно было увидеть должников, пытающихся исправить свои оценки или закрыть хвосты по учебе. В восемь наша уважаемая Марья Ивановна выгоняла оставшихся зубрил из библиотеки и закрывала её на ключ.

Я замедлила шаг, добравшись до знакомых дверей в назначенное время. Казалось, что учащенное сердцебиение не прекращалось с момента, как я получила записку. Но сейчас, приближаясь к месту встречи, этот неподвластный мне орган

работал в бешеном ритме.

На ручных часах показывало пять минут десятого. Прикусив нижнюю губу от нервов и дурацкой привычки, я оглядела пустые коридоры, принимая решения уйти отсюда. Но тут я заметила, что дверь библиотеки оказалась приоткрытой, оставляя небольшой просвет.

В библиотеке было темно и тихо. Я прошла немного вперед и остановилась, не понимая, что здесь делаю и куда мне идти. Но любопытство и желание испытать новые эмоции буквально толкнули тело двинуться вперед меж стеллажей с книгами.

Если это было уже началом нестандартного обучения Павла Александровича, то стоит признаться, что вечерний полумрак и библиотечный антураж в целом мне уже нравились.

Пальцы пробежались по заставленным книгами полкам, казавшихся длиною в бесконечность. Наша библиотека славилась своими внушительными размерами и разнообразием книг. Пожалуй, в таком лабиринте даже можно заблудиться, если не целенаправленно бродить среди полок в темноте, чем я сейчас и занималась.

Но тут внимание привлёк тёплый свет, разливающийся сквозь неплотно стоящие книги. Как бабочку на огонь, меня потянуло в тот угол.

Идеальная ловушка.

Подойдя ближе, я увидела источник света – зажжённая прямоугольная свеча, поставленная кем-то на пол. Взяв её

аккуратно за подставку, я заметила, как сильно от страха у меня дрожат руки. Пока я рассматривала пляшущие тени на полу, то почувствовала покалывание по позвоночнику от чужого тепла за спиной.

Внезапно возникшее напряжение ощущалось отчетливо. Вся ситуация в целом сбивала с толку. Но успокаивало одно – знакомый запах грейпфрута.

Мы не двигались и, кажется, даже дышали через раз, не понимая, что делать дальше. Я так точно.

У меня был распорядок дня. Свой график. Достаточно скучный и однообразный, но уже такой привычный. Я придерживалась его, и мир неторопливо и равномерно вращался. Но в данный момент в моем четком расписании возникли изменения, где преподаватель стоит у меня за спиной в темноте, а его дыхание, что неожиданно подкралось слишком близко, колышет волосы на голове и мое сознание. Мир стал вращаться слишком быстро, что я еле стояла на ногах.

Чувствовался непоколебимый контроль над ситуацией. Только принадлежал он отнюдь не мне. Но от него не хотелось бежать или как-то сопротивляться. Ему хотелось подчиняться.

Решение было спонтанным, необдуманное и, наверное, глупым. Я резко развернулась. Свет от свечи очень явно освещал его лицо и голубые глаза, что сейчас горели игривым коварством, а ухмылка была явным подтверждением его планов.

— Здравствуй, — понизив голос сказал он, и медленно, не отводя от меня взгляда, чуть наклонился вперед.

Мужские губы вытянулись в трубочку, и одним выдохом он задул пламя свечи, погружая нас в полную темноту.

Глава 5

— Вы в курсе, что я не пишу ужасы? — съязвила я, пытаюсь скрыть за этим некоторую нервозность, на что услышала глухой смех. — Зачем нужно было задувать свечу?

— Для атмосферности. И вне моих лекций можешь обращаться ко мне на «ты».

Я смотрела на деревянные полы, пытаюсь разглядеть в темноте хоть какой-то рисунок на них, когда почувствовала, как он подвинулся еще ближе. Павел возвышался надо мной. И я слышала, как он тяжело, но спокойно дышит. Контролируемо. Он всегда контролировал себя и ситуацию, а у меня в последнее время были с этим проблемы. Особенно в его присутствии.

Теперь, когда глаза привыкли к темноте, и наши силуэты освещал лишь свет от фонаря, что лился через огромные окна зала, я могла увидеть его полностью. И таким я его не видела никогда: привычно белая рубашка сейчас была расстёгнута на две верхних пуговицы, а рукава закатаны на локтях. Его небрежному образу не хватало только слегка взлохмаченных волос. Кончики пальцев так и покалывало устроить эту маленькую шалость.

— Так мы здесь... надолго?

— Не припомню, чтобы герои любовных романов куда-нибудь торопились, — я слышала в его голосе насмешку,

хоть и не могла её разглядеть достаточно хорошо из-за темноты.

Павел делает шаг, я два назад и вот уже упираюсь лопатками о книжные полки. Но его это только забавляет, и мы снова оказываемся на непозволительно близком расстоянии.

— Так это снова игра? *Он* и *она*?

— Разумеется. Все в пределах дозволенного тобой. Но...

— его рука оперлась о полку рядом с моим лицом, представляя собой подобие капкана в моей фантазии, — есть минимум, который нужно исполнять: место, разговоры, прикосновения.

Я кивнула, соглашаясь с его методом обучения, ведь идя сюда, понимала, что погружение в наших героев, которое мне устроил преподаватель в прошлый раз было действительно минимумом и началом.

— И какой у нас сценарий? — пытаюсь справиться с неловкостью, спросила я.

— Конечно же, совместная подготовка к сессии. Но наши герои так увлеклись, что не заметили, как библиотека совсем опустела.

— Не думаю, что возможна такая сильная тяга к знаниям, что выключенный свет библиотекарем не был для них сигналом о её закрытии, — скептически сказала я.

— Ты придираешься. Читатели любят такие ситуации в любовных романах. И думаю, если твоя героиня надела такую же очаровательную юбку, что ты сейчас, *он* то и дело бы

смотрел только на её прелестные ножки, не замечая часов.

Я открыла рот от возмущения, отдергивая края юбки вниз, хотя даже при большом желании мне не закрыть было коленки. Но сегодня в гардеробе приглянулась именно эта клетчатая юбка до середины бедра, хотя она уже полгода пылилась в шкафу с момента импульсивной покупки.

— Так она... ему нравится?

— Безусловно. *Она* умна и начитана. Определенно, его типаж.

— Ла-адно, — протянула я, всерьез задумываясь над сценарием. — Он откроет ей свои чувства?

— Не сразу. Возможно, ему нужно время со всем разобратся.

Первое легкое прикосновение его пальцев к моей коже, как удар током. Он скользит по костяшкам на руке, обводя несколько по кругу, и поднимается выше к запястью.

— Что она чувствует? — спрашивает он тихо.

— Неловкость, — сдавленно прошептала я, концентрируясь на мягких и неторопливых поглаживаниях.

Казалось такое целомудренное действие, но оно вызвало целый восторг и выброс адреналина в кровь. Обострению чувств, конечно же, способствовал полумрак. А еще его горячее дыхание, касающееся моей щеки, его запах парфюма, что хотелось вдыхать все больше и больше... его прикосновения... его близость...

— Ему так давно хотелось к ней прикоснуться, — его го-

лос, вибрируя, посылал мурашки по всему телу.

Я не могла оторвать взгляда от его губ, что так тягуче и вкусно что-то произносят.

Большим пальцем он нащупал пульсирующую венку на запястье, чуть надавливая на неё. Теперь можно было отследить, как ускорялся мой пульс от каждого его слова.

— Ей... нравится его рост.

— Рост? — одна бровь Павла взметнулась вверх.

— Да, когда парень выше девушки. Это привлекательно, — я неловко пожала плечами, понимая, что произнесла глупость, на которую услышала глухой смешок.

— А ты знала о традиции нашего университетского футбольного клуба?

— Я не люблю футбол, и все, что с ним связано, меня не интересует.

— Это должно тебе понравится. Девушки считают это романтичным. Перед матчем игрок обвязывает себе ладонь лентой, принадлежащей его возлюбленной. Бывали даже случаи с галстуком. Они верят, что это приносит удачу.

— Это действительно красивая традиция, — сглотнув, произнесла я. — Но я никогда в ней не участвовала.

— Наш герой, к сожалению, не состоит в футбольной команде. Но он был бы счастлив получить от неё такой подарок. Она окажет ему честь?

— Да, — на выдохе сказала я и потянулась к своей косе, которую так старательно заплетала дома, и завязала конец

красной атласной лентой.

— Нет, — Павел перехватил меня за запястья и опустил вниз, — *он* сам.

Дыхание участилось в ожидании нового прикосновения.

Пальцы коснулись заплетенных волос, невзначай коснулись ворота блузки и оголённой кожи. Он потянул за один конец ленты, и та медленно стала ослабевать, распускаясь.

— Теперь его удача всегда будет с ним, — сказал он, искренне улыбнувшись, убирая ленту в карман брюк.

— А разве не поцелуй приносит удачу?

И после моих слов его взгляд тут же был прикован к моим губам. В крови бурлит азарт наравне с любопытством и остановиться было уже невозможно.

Я смущенно опустила глаза в пол и прошептала:

— Видела такое в фильмах. Девушки спортсменов обычно дарят им свой поцелуй перед матчем или турниром, или забегом... — или мне лучше заткнуться.

Когда я вновь подняла глаза на его лицо, то распознала ни с чем не сравнимый и такой явный голод. И мне понравилось, что смогла пробить маску и вывести этого мужчину на эмоции. Настоящие. И такие явные.

— Разве не должно пройти как минимум три свидания, чтобы наша героиня позволила ему себя поцеловать? — его язык прошёлся по нижней губе, и он явил мне ухмылку, от которой приятным жаром обдало щеки.

Я колебалась. Обычно я себя так не вела. Не заигрывала,

не флиртовала с парнями. Не пряталась с ними меж стеллажей с книгами и тем более не намекала своему преподавателю на поцелуй. Но он сам сказал, что границы здесь устанавливаю только я.

— Герой моего романа воспользовался бы интимной обстановкой библиотеки поздним вечером и некой растерянностью героини, — с вызовом сказала я, не собираясь позволять ему соскочить с этой темы.

Похоже, я схожу с ума. Это было единственной причиной, почему я позволяла себе говорить такие вещи. Так нагло и так открыто.

Он склонился к основанию шеи, к тому месту, где бился пульс, чуть отодвигая ворот блузки. От ощущения его губ возле моей кожи нервы оказались на пределе. Губы скользнули по точке пульса и остановились прямо над ней. Еле слышимый и неожиданный для самой себя стон вырвался из полукрытого рта, когда кончик языка прошелся рядом с ключицей, пробуя меня на вкус.

Слева послышался какой-то шум, но мозг настойчиво не обращал на это внимания, приказывая сконцентрироваться на мужчине передо мной.

Грудь тяжело вздымалась и при каждом вздохе соприкасалась с его.

— Она смелая, — прошептал он, поднимая голову, что кончики наших носов соприкоснулись. — Ему это нравится.

Сладкое горячее дыхание обожгло губы, и они приоткры-

лись в немой мольбе.

Я подалась ему на встречу, охваченная желанием — тягучим и почти бесконтрольным, что лилось сейчас по венам, стремясь получить как можно больше сильных эмоций. Новую дозу личного кайфа, которого, казалось, не было предела.

— И нетерпелива, — хмыкнул он, щекоча словами мое сознание.

Я закрыла глаза и услышала, как тихо выдохнул совсем рядом. Его губы еле ощутимо коснулись моих, приоткрывая их чуть больше. Для себя. Мягкие...

— Здесь кто-нибудь есть? — раздался внезапно женский возрастной голос, за которым последовал грохот и звук удара.

Я чуть не взвыла вслух, когда Павел чуть отпрянул от меня, но все еще прикрывая собой. Он тяжело выдохнул, не в силах скрыть горечь разочарования, но, быстро справившись с эмоциями, выглянул в главный проход.

— Марья Ивановна? Я полагал, что вы уже ушли домой.

— Ох, Павел Александрович, дорогой вы мой человек! У Настасьи Палны внук родился, и мы немного задержались в её кабинете, — слегка пьяно хихикая, произнесла библиотекарь. — Проходила мимо и заметила, что дверь приоткрыта. Хотя точно помню, что запирала её.

Я закатила глаза, вспоминая, что действительно не закрывала за собой дверь, когда входила. И за что словила недо-

вольный взгляд своего преподавателя.

— ... и лампы не включились... — говорила что-то на фоне Марья Ивановна, пока мы продолжали сверлить друг друга глазами. — Павел Александрович, а вы что тут делаете?

— Мне срочно понадобилась книга для завтрашней лекции, — сказал он, все еще смотря на меня уже чуть с улыбкой. — А об отсутствии света говорят выбитые пробки. Ну или может, кто из студентов решил пошалить и специально их отключил.

Я прикрыла рот ладошкой, сдерживая смех. Отчего-то вся сложившаяся ситуация стала казаться до ужаса комичной. И мы действительно словно оказались двумя студентами по итогу застуканными работником университета.

— Пашенька, пойдем вместе посмотрим. А то я в этой темноте ничего не вижу, да и, признаться, охмелела чуток, еще что-нибудь не то нажму, — давя на жалость, прокряхтела библиотекарь.

— Конечно, Марья Ивановна, — сказал он и чуть тише добавил, чтобы слышала только я, — буду ждать новую главу.

Павел одарил меня в последний раз одной из своих дьявольских полуулыбок и пошел выпроваживать лишнего свидетеля нашей шалости из зала. Когда их голоса окончательно стихли, я вынырнула из дверей библиотеки, направляясь неспешо к выходу из университета, пытаясь подавить глупую улыбку. Хотелось побыть еще немного в моменте этого

необычного и уж точно запоминающегося на эмоции вечера.

— Очень интересные у тебя факультативы, Земцова, — голос, произнесший эти слова, моментально заставил меня остановиться.

Я всегда презирала этот голос, его тон, его вечные саркастичные и язвительные нотки. Ненавидела его обладателя всем сердцем и душой. Но сейчас... я его боялась. И на трясущихся ногах я медленно повернулась. Вот он — мой вечный кошмар во плоти, а имя ему Марк Вяземский.

Глава 6

Я повернулась, с ненавистью глядя на обладателя насмешливого голоса. Марк Вяземский был последним человеком, которого я хотела сейчас видеть. Впрочем, как и всегда.

Он отравлял мою жизнь своим присутствием, едкими и язвительными комментариями, и вечными соревнованиями во всем за первенство.

После разговора с ним я чувствовала себя грязной. Словно его слова имели какой-то паразитарный эффект, после чего хотелось натирать кожу мочалкой с мылом до красноты, лишь бы, наконец, избавиться от гадкого, липкого ощущения.

Кажется, это началось еще с детского сада, когда мы сидели на соседних горшках. Помню, как вечно жаловалась маме, что меня обижал хулиган из группы, кидаясь в меня песком и отрывая моим куклам головы. Конечно же, по шутке судьбы причина горьких слез в дальнейшем стал моим одноклассником. Портфель, закинутый на дерево, утопленная сменная обувь в туалете и срывание резинок с моей головы: ритуалы, которые я проходила каждый день.

Со временем эти шалости сменились словесными издевками, которые с каждым годом становились все изощреннее и я бы даже сказала, изящнее. Но что я действительно не ожидала, так что он найдет еще один способ меня унижить

или даже слегка пристыдить – учеба. Только тут он промахнулся. Учиться я любила всегда и делала это с отличием. Но стала чувствовать, как мне дышат в затылок, пытаюсь обойти на всевозможных олимпиадах. Стоит признаться, что Марк далеко не глуп, и зачастую первые места доставались ему справедливо. Но это раздражало еще больше.

С годами все его выходки я научилась парировать или игнорировать, оберегая свою и так расшатанную благодаря ему нервную систему.

Порог университета при поступлении я перешагнула с небывалой легкостью. словно избавилась от блондинистого балласта, которые терпела большую часть своей жизни. Моя радость и ликование длились примерно минут двадцать, пока не началось знакомство с группой и не увидела там его – ночной кошмар на яву.

Сучий дьявол.

Именно благодаря этому человеку мне хотелось время от времени сквернословить в стенах альма-матер.

Жизнь не справедлива и коварна, раз природа решила наделить человека, обладающего самыми отвратительными качествами, незаурядной и привлекательной внешностью: острые черты лица с выразительными скулами и голубые глаза – вызывали настоящий восторг у его фанатов, а подтянутое тело, благодаря годам усердных тренировок в футбол – обильное слюнотечение, когда он позволял себе во время тренировок снимать с себя футболку.

Марк знал, что хорош собой. И с удовольствием этим пользовался.

Но что по-настоящему раздражало и с чем я так и не смогла смириться, это его привычка пялиться на меня. Иногда казалось, что он видит меня насквозь или придумывает очередную колкую шуточку, чтобы поддеть меня на перерыве. Время от времени на занятиях, в коридорах я ловила на себе его наблюдающий взгляд. После этого он всегда усмехался и большую часть времени отводил глаза, но иногда... продолжал смотреть. Я оказывалась в ловушке его взгляда, и мы так и продолжали стрелять в друг друга молнии глазами, пока один из нас не проигрывал.

Но сейчас, я уже чувствовала себя проигравшей, потому что даже невооружённым взглядом было видно, что у этого парня в рукаве припрятан туз, а у меня лишь пара шестерок.

Меня затопило жаром от стыда.

— Посмотри на себя, — самодовольно ухмыльнулся Вяземкий. — Ты покраснела.

Его чрезмерная манерность, то, как он растягивал слова, почти лениво – раздражало до скрежета в зубах.

Он оторвался от стены и не спеша направился в мою сторону.

— Давай момент, где я жалко оправдываюсь, останется в твоих фантазиях, — я скрестила руки на груди, глядя на него с вызовом.

— О, ты даже себе представляешь на сколько извращен-

ные мои фантазии, — он сузил глаза и скользнул взглядом по моему телу, задержавшись дольше всего на голых коленках, которые мне вновь захотелось прикрыть.

Вяземский надвигался на меня вальяжной походкой, засунув руки в карманы джинсов, и остановился ближе, чем того требовала ситуация.

— Что ты тут вообще делаешь? — я выплюнула эти слова настолько презрительно, насколько только могла.

Марк ухмыльнулся, глядя на меня с высоты своего роста. Находясь так близко, он ощутимо возвышался, и я ненавидела тот факт, что мне приходится задирать голову, чтобы посмотреть в его наглые глаза, в зрачках которых сейчас играет явная смешинка.

— Закрывал хвосты из-за тренировок, — произнес он скучающим тоном. — Старуха наконец-то отпустила меня на радостях. Буду вечно благодарен некому Артемию за его рождение, — его глаза закатились так высоко, что на какой-то момент я увидела чисто белки. — А тут ты трешься у дверей библиотеки, которая должна быть уже закрыта. Стало любопытно, и я пошел за тобой.

Сердце грохотало в груди, намереваясь выпрыгнуть и убежать прочь от нахально-прожигающего взгляда. Но, стараясь не показывать свой страх, я только выше вздернула подбородок и спросила:

— Как много ты слышал?

Он выждал паузу, прежде чем убить меня одним лишь

словом.

— Всё, — сказал он, широко улыбаясь, и пока я захлебывалась собственными эмоциями, он подливал масла в огонь, — я стоял буквально у тебя за спиной. Нас разделял лишь дряхлый шкаф с книжками.

Воздуха не хватало, а по коже пробежались волной колкие мурашки. Я не могла придумать ни одной контр фразы в свою защиту, готовясь к самому масштабному высмеиванию и унижению в своей жизни.

— Что ты хочешь? — спросила я еле слышно.

— Для начала я хочу, чтобы ты мне все подробно рассказала. И вот еще, — он вынул из заднего кармана джинс свернутый в четыре раза, уже знакомый лист, при виде которого сердце рухнуло вниз. — Почему-то мне кажется, что ты имеешь к этому отношение.

Глава 7

Вам когда-нибудь приходилось играть в игру под названием «Пол - это лава»? Мне — нет. До этого момента. Я не успела убежать, скрыться или, скрестив пальцы, громко заявить, что не играю. И поэтому сейчас я тону. Увязая в раскаленной жидкости, плавлюсь заживо в собственном позоре, бормоча каждое слово.

Конечно, я не рассказываю Вяземскому всех подробностей в красках и деталях. Хотя эти самые «подробности» он и так слышал собственными ушами.

Взгляд прикован к листу с фрагментом главы в его руках, на который он с любопытством постоянно поглядывает. Усмешка не сходит с его губ. Наверное, он облил их суперклеем, и теперь они останутся в таком положении навечно, как напоминание моего триумфального провала.

— В такую нелепую ситуацию могла попасть только ты, — он делает несколько шагов ближе, и вот я уже чувствую спиной прохладную стену. — Дважды.

В какой момент я начала отступать? В какой момент все вообще вышло из-под контроля?!

— Откуда это у тебя? — я указала подбородком на свою главу.

— Стащил со стола препода, пока его не было в кабине-

те, — я с тоской во взгляде проследила, как он укладывает свернутый лист обратно в карман. — Мне показалось это занятной находкой: строчки эротического содержания, да еще с красными пометками.

Я могла попытаться вырвать листок. Хотя, кого я обманываю? Он же спортсмен, а у них с реакцией явно лучше, чем у меня- книжного червя.

Марк навис надо мной, преграждая единственный путь к отступлению собственной рукой, которой уперся в стену.

Серо-голубые глаза смотрели в самую душу, перемалывая её на мелкие кусочки, вызывая дрожь по телу. Последние капли цитрусовой горечи, к сожалению, покинули легкие, и её место стремительно стал занимать аромат пломбира. Слишком сладкий, ужасно приторный запах. Теперь я поняла, почему после разговора с Марком я чувствовала себя грязной. Создавалось ощущение, будто ты весь с ног до головы вымазался, как ребенок в липком мороженом.

Но все-таки он красив. Умен. И нахален.

— Что ты будешь делать с данной информацией? — прошипела я.

— Хочу участвовать, — с легкостью сказал он. — Но об этом не должен знать Павел Александрович.

Рот открылся в немом шоке. Я была растеряна. Обескуражена и, кажется, парализована. Марк надавил указательным пальцем мне на подбородок, помогая захлопнуть рот обратно.

— Зачем тебе это?

— Мне скучно, — пожимая плечами ответил он.

Глаза широко распахнулись от услышанного. Это просто уму непостижимо!

Годы каждодневного абьюза были для него просто игрой, энтузиазм играть в которую все же спал на нет. А тут я сама подкинула ему новый повод для развлечения.

— Тебе следует воспользоваться услугами своей подружки! — выплюнула ему слова прямо в лицо.

Марк склонил голову чуть вбок.

— Ух! Не знал, что ты можешь быть сексуальной, когда ревнуешь.

Я почувствовала, как по шее и щекам поползло тепло смущения.

— Ревность? Не смейся! Если бы я хоть на секунду представила, что смогу тебя ревновать к кому-то, то меня тут же вывернуло бы наизнанку. Как и от запаха твоего одеколona, если ты не отодвинешься! — голос сорвался на крик.

Лицо Марка посуровело, и он впервые сделал то, о чем я его попросила – отступил шаг назад, обеспечивая мне приток свежего воздуха. В этот момент стало страшно, что прямо сейчас он решает, как бы по-изощреннее сдать меня.

— Ты же... ненавидишь меня, — уже спокойным голосом произнесла я на выдохе, пытаюсь привести последний, как по мне, весомый аргумент, оставить эту затею.

— Не выношу тебя, — просто сказал Вяземский. — Но

это не значит, что ты не до охуения очаровательная, — он прикусил нижнюю губу, продолжая сверлить меня взглядом, как это делал обычно.

Его слова, хоть и сказанные некультурным и вульгарным языком, все же вызвали приятный, но такой предательский трепет внизу живота. Я возненавидела его еще сильнее лишь за то, что он заставил меня почувствовать.

Но я мысленно приказала перестать вести себя как одна из тех слабохарактерных и в целом странных девиц, ошивающихся у раздевалки футбольной команды, которые за один взгляд спортсмена на них, готовы раздвинуть ноги.

— Нет, — твёрдо сказала я, помотав головой. — Можешь болтать обо мне кому хочешь. Пусть меня отчислят. Но играть в твои игры я не собираюсь.

На его лице промелькнуло что-то похожее на разочарование, которое он быстро скрыл за маской безразличия.

— О, ты, видимо, не понимаешь всего масштаба, — язвительно произнес он ухмыляясь. — Да, тебя отчислят с позором. Но не за грязные рассказы, а за связь с преподавателем. А его самого ждет увольнение. Как думаешь, после такого скандала хоть одно уважающее себя учебное заведение возьмет его к себе на работу?

Я снова тону. Только это уже было вязкое болото, где каждый шаг, как игра в рулетку на жизнь, - а вдруг повезет. Но тащить с собой кого-то на дно... Такого я себе позволить не могла.

— Ненавижу... — еле слышно произнесла я, пытаюсь сдержать проступающие слезы.

— Ненависть - одно из самых сильных чувств, которое может испытывать человек. Наравне с любовью. Завтра я жду тебя у главного входа перед первой парой, — Марк оторвал руку от стены, наконец освобождая из его капкана.

— Зачем?

— Тебе же не хватало эмоций и впечатлений? — он вновь склонился совсем низко, а его губы приблизились к уху шепча, — поверь, я тебе их обеспечу.

Глава 8

Дыхание затрудняется, стоит только ощутить его в своей ладони. Он... гладкий. Я бы сказала, что приятный на ощупь. Перекладываю в другую руку, с любопытством рассматривая со всех сторон: правильный, вытянутой формы, небольшой, аккуратный размер. И даже цвет не вызывает отторжение.

И *это* сейчас должно оказаться в моих трусиках.

За 15 минут до...

Уснуть удалось лишь под утро. И те пару часов сна, что мне удалось урвать, были одним нескончаемым кошмаром, где сам дьявол проводит меня под руку по всем кругам ада, насмехаясь на ушко голосом Марка.

Отвратительно. Это слово прекрасно и достаточно красноречиво описывало настроение в это утро, когда я нехотя, нарочито медленно собиралась в университет к первой паре, зная, что перед дверями аудитории меня будет ждать ... А я не знала, что меня будет ждать! И это действовало на нервы.

От Марка можно было ожидать чего угодно. Я пыталась мысленно подготовиться к самому худшему, как это советуют психологи. Только загвоздка была в том, что не понятно, где был предел у фантазии Вяземского.

Он выглядел чересчур довольным и определенно выпавшимся, что нельзя было сказать обо мне. Марк стоял, опи-

равшись плечом о стену, расслабленно скрестив ноги. Стоило ему заметить меня, его лицо зависло ярче начищенного серебра.

— Ты чуть не опоздала к первой паре, — порицательно произнес Марк, шагая на встречу. — На тебя не похоже.

— Оттягивала момент встречи, — буркнула я.

— Зря, — его глаза опасливо сверкнули, замышляя неладное.

С блаженной улыбкой, что демонстрировала все его тридцать два идеально ровных зуба, он напоминал кота в мартовский период.

— Если ты сейчас же не скажешь, зачем я здесь, — шипела я сквозь зубы.

— У меня для тебя подарок.

Марк быстро снял с плеча рюкзак и достал из него небольшой, почти крохотный белый непрозрачный пакетик без каких-либо надписей. В такие обычно кладут бархатную коробочку с ювелирным украшением. Но это было явным бредом в нашей ситуации.

Мои брови поползли вверх, когда он протянул его мне. Я с опаской брала пакет двумя руками, словно содержимое могло рвануть в любой момент. Под нетерпеливое цоканье я медленно раскрыла его. Понадобилось некоторое время, чтобы понять, на что устремлен мой не моргающий уже с минуту взгляд.

— Это что?! — воскликнула, переходя на визг. — Это...

Это же...

Не дав мне договорить или захлебнуться в собственном шоке, Марк одной рукой притягивает меня за талию, увлекая за одну из колон. Лопатки прижаты к прохладному камню, что создает сразу ощутимый контраст температур с теплым, нет, горячим телом. Твердый... Ни капельки жира, лишь сплошные проработанные мышцы за годы тренировок.

Я подняла голову, впившись взглядом в устремленные на меня голубые глаза. И непроизвольно заметила, как самая обычная темно-синяя футболка красиво оттеняет цвет его глаз.

Какой же он высокий... Но я продолжала упрямо отрицать мысль о том, что мне нравится, как он возвышался надо мной, воплощая один из моих фантазийных фетишей. Его широкие плечи, мощные руки... Мне не хотелось чувствовать себя уязвимой в его компании. Это была непозволительная роскошь. А с Вяземским нужно быть всегда на чеку.

Но сама мысль казалась пугающе увлекательной.

— Я, конечно, люблю громких девушек, но в постели, — прозвучал его голос у самого уха, отчего сердце бешено заколотилось в груди. — Ты, если хочешь, можешь и дальше голосить на весь универ, и тогда все точно узнают, что лежит в этом пакете. А можешь оставить это нашим с тобой маленьким секретом.

Но этот невыносимый пломбир...

Ударив его кулаками в грудь, я оттолкнулась, чем вызвала

у него тихий смешок.

— Ты с ума сошел, мне такое давать?

— Это, — он опустил глаза на пакет и самодовольно заявил, — прекрасный способ испытать новые ощущения, к которым ты так стремишься.

Я покраснела от его слов, резко ощутив тяжесть вещицы в пакете, хотя по факту она почти ничего не весила.

— Они же стоят немало...

В голове мелькали цифры с ценами, когда реклама об этом товаре на просторах интернета попадалась на глаза.

— О, поверь, потраченные деньги ничто по сравнению с тем, что я увижу, — уголки его губ слегка приподнялись.

— В каком смысле? — настороженно спросила я.

— А ты еще не поняла? Он должен быть в твоих трусиках на этой паре, — низко и повелительно сказал он. — На паре твоего любимого и дорогого Павла Александровича.

— Я не буду этого делать! — возразила я, снова переходя на крик.

— Будешь. Иначе я вспомню дорогу в деканат, — голос звучал почти угрожающе.

— Какая же ты сволочь!

— Я больше предпочитаю спонсор впечатлений, — произнес он с ноткой озорства.

Я недовольно поджала губы, опустив глаза вниз, прожигая взглядом ненавистный пакет.

— Слышал, многие девушки дают им имена, — сказал

Марк, отойдя на некоторое расстояние. — Я не против, если ты назовешь моим, — с последними словами он подмигнул и скрылся за дверями аудитории.

Заперевшись в одной из кабинок женского туалета, мне понадобилось несколько минут, чтобы вытащить *это* из пакета. В ушах отчетливо шумела кровь, мешая сосредоточиться и понять, что с этим делать.

Дыхание затрудняется, стоит только ощутить его в своей ладони. Он... гладкий. Я бы сказала, что приятный на ощупь. Перекладываю в другую руку, с любопытством рассматривая со всех сторон: правильный, вытянутой формы, небольшой, аккуратный размер. И даже цвет не вызывает отторжение.

И это... сейчас должно оказаться в моих трусиках.

Первой яркой реакцией на *это* было отрицание и брезгливость. Но, поддержав его в руках, покрутив с разных сторон, стало любопытно. Купить себе такое я в жизни не решусь, а узнать, ради чего женщины тратят за них приличные деньги, было бы познавательно. И эта информация действительно могла мне помочь в написании пикантных сцен.

Найдя на коробочке название, я вбила его в поисковик, чтобы окончательно разобраться и почитать отзывы. Как уверял производитель, у модели было десять режимов работы, магнитный зажим, который служит надежным креплением к трусикам, а самое главное, он был бесшумным.

Чтож... Марк сказал, что он должен находится в моем

нижнем белье, но ничего не упоминал, что я обязана буду его включить прямо во время пары.

Похоже, я действительно собиралась воспользоваться своим первым в жизни вибратором.

Глава 9

Непривычно. Чувствовался дискомфорт от нахождения в трусиках чужеродного тела. Но в целом это было даже интересно и пикантно. О том, что в моем нижнем белье находится вибратор, знала только я и ... Ах, да, еще и Марк, который с нагло-довольным лицом сел ближе ко мне на пару парт.

— Сегодня вам повезло, — произнес громогласно Павел Александрович зайдя в аудиторию. — Наша лекция пройдет в необычном, но любимом для студентов формате – просмотр учебного фильма.

Тут же слышались радостные и одобрительные улюлюканья, которые тут же прекратились, стоило только преподавателю поднять руку вверх, требуя этим жестом тишины.

— Не забудьте выключить свои телефоны или хотя бы уменьшить яркость, чтобы не быть мною замеченными, — он обвел аудиторию многозначительным взглядом, смотря на всех поверх спущенных очков.

Свет стал более приглушенным, и с жужжащим звуком экран с полотка принялся опускаться. На него упал луч проектора, и показались первые кадры черно-белого кино.

Я расслабленно откинулась на спинку стула, сложа руки на груди, пытаясь устроиться поудобнее.

Закадровый голос звучал монотонно и даже убаюкивающе, отчего тело непроизвольно начинало впадать в спячку.

В голове всплывали строчки для будущего романа.

«Два шага по направлению к ней, и он почти интимно прижался к девушке всем телом. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть на него, но, не удержавшись, она все же скользнула взглядом по мышцам его груди, которые скрывались под футболкой.

– Оливия... – прошептал он, и она взглянула на него из-под ресниц. – Ты хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе?

Девушка вздохнула и только тогда сообразила, чего от нее ждут.

– Да, – ответила она.

Оливия ожидала от него ласк подобный тем, что он ей дарил на прошлой неделе в укромном уголке библиотеки, где парень просил её быть тише. Но сейчас, когда он положил руки ей на талию и внезапно приподнял, у нее перехватило дыхание.»

Но тут я ощутила непривычное тепло снизу своих трусиков, которое становилось все сильнее. Словно сидишь на грелке, только концентрация тепла направлена в интимное место. Мои глаза расширились, когда я поняла причину возникновения этого.

В эту же секунду экран телефона, что лежал на столе, загорается тусклым светом.

«У него 10 режимов. Попробуем все? ;) »

Я перечитывала одну и ту же строчку несколько раз, и с каждой секундой сердце начинало биться чаще, а буквы рас-

плывались больше. Я повернула голову вправо и сразу же наткнулась на ехидную улыбку Марка. Сердце сделало еще тройку учащенных ударов, когда он опустил телефон под парту экраном на меня, демонстрируя на нем нечто похожее на пульт с кнопками.

Он мог управлять вибратором. И сейчас Марк собирался управлять мной.

Тело напряглось, ожидая в страхе его дальнейших действий. Но кроме дикой пульсации в висках, я больше ничего не чувствовала.

Сначала это было похоже на легкое, еле ощутимое прикосновение к нежной коже. Легкими круговыми движениями, словно двумя пальцами, он массировал клитор по кругу. Почувствовался приток крови к половым губам. Больше не получалось сидеть расслабленно, сложив ногу на ногу – это обеспечивало дополнительное давление.

Я потихоньку выпрямилась, поерзав на месте, и увидела следующее смс.

«Держи себя в руках. Один стон – и все узнают»

Я закусила губу, стараясь не дышать слишком тяжело, но при этом желая кричать, когда скорость увеличилась на ничтожно малую часть, но это было так много сейчас.

Ох, черт.

«Тебя кто-нибудь ласкал пальцами?»

Я мельком взглянула на пришедшее сообщение, приходя в ужас от такого личного вопроса, собираясь полностью его

игнорировать. Но следом было еще одно.

«Или языком?»

Телефон был отброшен на стол с большей силой, чем это требовалось, привлекая к себе внимание некоторых студентов.

Скорость увеличилась. Это заставило неожиданно подпрыгнуть на месте, подавляя рвавшийся наружу стон.

Экран телефона загорелся вновь.

«Отвечай. Иначе увеличу скорость сразу на три единицы»

Дьявол. Выругавшись про себя, я отрицательно, еле заметно мотнула головой, но этого было достаточно, чтобы заметил лишь один человек.

Тепло разливалось по половым губам. Хотелось поддаться бедрами на встречу... так хотелось... черт, это приятно...

Я затаила дыхание, ожидая очередное смс.

«Это могло бы быть еще лучше, будь в твоих трусиках не эта дрянь, а чьи-нибудь пальцы. Представь, настолько это бы хорошо ощущалось, когда один палец продолжает поглаживать клитор, а второй начинает медленно проникать в тебя»

Жар резкой волной охватил все тело. И не ясно было, что способствовало этому больше: его слова или увеличившаяся скорость моторчика вибратора. Закрыв глаза, я постаралась справиться с учащённым дыханием и против воли все же представила нарисованную Марком картину в своей голове и эти ощущения... и сглотнула, подавляя стон.

Я посмотрела в сторону Марка, ожидая увидеть его несходящую ухмылку, но вместо этого столкнулась с его взглядом, который показался мне плотоядным. Голодным. И кажется, он даже не моргал, смотря на меня, чтобы не пропустить, запомнить каждую эмоцию на моем лице, что появлялись из-за него.

Глава 10

Он отвел взгляд, чтобы набрать очередное сообщение, а я потянулась к телефону раньше, чем оно пришло.

«Смазка обильно будет стекать от мягких, неторопливых, но таких приятных поглаживаний по твоим половым губам»

Подрагивающими пальцами я расстегнула две верхние пуговицы блузки, надеясь хоть как-то подарить прохладу своему телу.

От его слов и от увеличенной на следующую скорость вибратора внизу живота заныло, и я ощутила невыносимую пустоту внутри, которую хотелось заполнить.

«Я уверен, твои трусики уже насквозь мокрые»

Тяжело дыша, я поерзала бедрами на месте в попытке облегчить или уменьшить трение, но сделала только хуже. Марк был прав – нижнее белье было влажным.

Мне не нужно было снова поворачивать голову, чтобы убедиться, что он продолжал на меня смотреть, наблюдать. И это только подогревало ощущения.

«Но самые яркие ощущения будут все же с помощью языка. Только представь, какой он горячий и влажный, и как плавно скользит меж твоих и так мокрых от возбуждения губ»

Я глубоко вздохнула и сжала бедра, зажмурив крепко гла-

за. Мне нужно... нужно было кончить. Чувствовать и терпеть это было больше невыносимо. Низ живота стремительно наполнялся жаром, дыхание учащалось, а тело слегка подрагивало от ощущения приближающего оргазма.

— Василиса? — произнес еле слышно знакомый голос надо мной.

Я резко распахнула глаза и увидела чуть склонившегося надо мной Павла.

— Все хорошо? — обеспокоенно просил он шепотом, наклоняясь ко мне чуть ближе.

— Да... Я... — резкий выдох. — Все в порядке.

Видимо, звучала я не очень убедительно и наблюдала, как его брови медленно ползут к переносице.

Новый прилив жара между ног, новая скорость и возбуждение дошло до критической точки. Оргазм охватил все тело, сотрясая его мелкой дрожью. Сердцебиение билось в каждой клеточке, а перед глазами все поплыло.

Но это было... прекрасно. И почувствовав долгожданную волну освобождения, я медленно раскрыла глаза и увидела озадаченное лицо Павла, который смотрел на мою руку, вцепившуюся мертвой хваткой него.

— Извините, — я отдернула руку, стыдливо пряча взгляд.

Вскоре преподаватель вернулся на свое место, но наблюдать за мной не перестал. Мне потребовалось пара минут, чтобы прийти в себя и следом ощутить новую волну – раздражение. Марку не жить после этого.

Стоит чёрта помянуть и от него приходит последнее сообщение.

«Хорошая девочка»

Я копила в себе злость всю оставшуюся пару, чтобы налететь с кулаками на Марка на перерыве. Так и произошло.

— Ты совсем сдурел?! — я ударила его кулаком по спине, догоняя в коридоре.

Он развернулся, смерив меня удивленным взглядом и, дождавшись, пока любопытные студенты пройдут мимо, довольно произнес:

— А, по-моему, неплохо получилось.

— Неплохо? — разлетелся мой визг почти по всему первому этажу университета. — Ты заставил меня испытать... почувствовать... — замялась я.

— Кончить, — протянул он и, наклонившись прямо к моему уху, хрипло прошептал, — ты прекрасна, когда на грани.

Его слова... Его правильные слова, сказанные с нужной интонацией, творили необъяснимые вещи с моим телом и, кажется, разумом. Сейчас я вновь почувствовала, как загорелись щеки румянцем и приятную тяжесть внизу живота.

— И смею заметить, что ты получила разрядку, а я нет. Так что еще непонятно, кто кому должен претензии предъявлять.

Он говорил шутливо, но все же сказанное им заставило меня задуматься. Значит, он тоже хотел ... Марк был возбужден? Из-за меня?

— Все это было лишь для тебя, — как подтверждение моих мыслей сказал он.

Кричать на него больше не хотелось, но и сказать ему что-то еще не получилось, потому что сшибающим с ног ураганом к нам подлетела его девушка, повиснув у него на плече.

— Маркуша! Вот ты где! Пол универа уже обошла. А я на шпильках, между прочим. Представляешь, опять проспала на первую пару, — Анфиса заглядывала ему буквально в рот, пока тараторила без остановки, только взгляд Марка до сих пор был прикован ко мне.

Спустя пару секунд словесного мусора, она утащила его, кинув на меня пренебрежительный взгляд. Я так и стояла на месте, пытаюсь понять, почему внутри что-то вдруг щелкнуло, что злость на Марка испарилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.